

Экран и сцена -
1995. - 26 окт. - 2 нед.
с. 7

ФОРТЕ

Лариса
ДОЛГАЧЕВА

Н

а сцене Кремлевского Дворца она не сделает ни одного па. Но ее выступление будет похоже на знаменитый танец семи покрывал из "Саломеи", где языческая царица, освобождаясь от эфирных одежд, являла самое прекрасное, что имела.

И оперная дива из Италии хотела явить самое обольстительное, чем обладала, — голос. И она расставалась с будоражащими фантазию и скрывающими тайну "покрывалами" — но едва ли желая того. Как же случилось, что расшитые вязью ("великая", "примадонна Ла Скала", "наследница Каллас"), к финалу концерта они сделались совершенно призрачными?

Проще простого списать этот афронт на убийственный для вокала Кремлевский Дворец с его все отчуждающими микрофонами и холодной бездной полупустого зала, на нескладную программу, представляющую собой мешанину из Гершвина, Россини, веристов и приевшихся шлягеров типа "Катари" — и, обманувшись, вновь сотворить себе кумира.

Иллюзии

от Риччарелли

Только окажется он бледной тенью прежнего.

В 1974 году, когда Катя Риччарелли в составе труппы "Ла Скала" приехала на московские гастроли и пела в вердиевском Реквиеме, ее голос стал открытием, не замутненным никакими "но". В 1986-м, когда она приехала во второй раз, вписав в русскую зиму свой медовый месяц и два сольных концерта, отечественные критики, наслаждаясь ее богатым пиано, изящным нижним регистром и проникновенно-теплыми верхами, уже обнаруживали проблемы с переходными нотами. Впрочем, их итальянские коллеги были куда беспощаднее — не отрицая природной исключительности голоса Риччарелли, они уже с середины 80-х годов искали причину все прибывающих в нем недостатков и приходили к шокирующим выводам: певица боится трудностей и не склонна к тому, чтобы учиться (а значит, не склонна и к критической самооценке). В этом ли причина, или дело в чрезмерном увлечении артистки драматическим репертуаром в ущерб своей преимущественно лирической природе, но ее карьера неудержимо шла на спад.

Голос сегодняшней Риччарелли, — а ей 49 лет, и о естественной певческой немоги говорить рано, — это вокальная линия, похожая на сумбурные изломы кардиограммы. Это интонация, которая почти всегда приблизительна. Это дыхание, которое непростительно коротко. Она уже не хозяйка своему голосу. Но иногда на небрежно набросанных ею пестрых эскизах — к примеру, в гершвиновском "Лете", легаровском "Как моя мать", в популярных номерах из "Тоски" или "Сельской чести" — вдруг польхнет дивным цветом одно пятно, другое. Золотые искры былого, которые хоть как-то оправдывают приглашение Риччарелли для открытия "Золотой серии в Кремле", анонсированной организаторами (концертно-прокатной фирмой "Самант" и банком "Нефтяной") как цикл встреч с "самыми знаменитыми артистами планеты и всемирно известными оркестрами".

На пресс-конференции Катя (обязанная, кстати, своим именем тому впечатле-

нию, которое произвело на ее мать местное представление "Воскресенья" Толстого) сказала, что счастлива. Все ее мечты, в частности, сотрудничество с Караяном, Дель Монако, сбылись. У нее есть своя школа под Вероной, где она преподает бесплатно, ради собственного удовольствия. У нее есть планы, главным образом концертные, и желание петь до тех пор, пока это будет приносить радость ей самой. Все хорошо — если допустить, что Золушка из итальянской провинции, с семи лет зарабатывавшая пением в больницах, цирках, даже тюрьме и ставшая оперной принцессой, так и не заметила, что не удержала на своей голове сияющий венец.

252